

Иером. Антоний (Храповицкий)

**Психологические данные в пользу
свободы воли и ноавственной
ответственности**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1888. № 1-2. С. 190-198.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Психологическія данныя въ пользу свободы воли и нравственной ответственности.

(Рѣчь, произнесенная іеромонахомъ Антоніемъ (Храповицкимъ) 21 Декабря 1887 года предъ защитою диссертациі на степень магистра богословія).

Преосвященнѣйшіе Архипастыри

и Милостивые Государи!

Представляя вашему просвѣщенному вниманію свой трудъ, я считаю нужнымъ сказать вѣскольکو словъ о его предназначеніи.

Существо человѣческое живетъ и дѣйствуетъ, руководствуясь заложенными въ его природу потребностями, которыя съ необходимостью вызываютъ въ его жизни различныя функціи, видоизмѣняющіяся по своей являемости сообразно характерамъ, положеніямъ, возрасту и другимъ обстоятельствамъ жизни, но неизгладимыя никакими вліяніями до полнаго уничтоженія. Таковы потребность нравственная, религіозная и другія. Если человѣкъ, или общество подвергается вліяніямъ, прямо враждебными для вызываемыхъ упомянутыми потребностями функцій, то послѣднія не уничтожаются, но развѣ только задерживаются въ своемъ развитіи, оставаясь неотъемлемыми свойствами нормальной человѣческой природы.

Поэтому, когда русское общество находилось подъ обаяніемъ различныхъ разсудочныхъ началъ, по своему смыслу совершенно исключавшихъ религію и мораль, подъ обаяніемъ теорій грубаго матеріализма: то въ большинствѣ случаевъ это вліяніе давало себя знать далеко не во всѣхъ сторонахъ его жизни, а преимущественно въ области теоретическихъ созерцаній, въ школахъ и въ печати. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда человѣкъ лицомъ къ лицу сталкивался съ практическою жизнью, когда вступалъ въ нее ак-

тивнымъ дѣятеlemъ, то его теоретическія заблужденія легко уступали мѣсто проснувшимся высокимъ запросамъ духа, и разлетались „какъ дымъ“ ¹⁾; „гордый человекъ“ ²⁾ „смирался“ ³⁾, „познавалъ себя въ себя“ ⁴⁾, „дѣлался ручнымъ“ ⁵⁾ и мирно возвращался къ своей „бабушкѣ“ ⁶⁾, наличной жизни. Процессъ этого возрожденія классически разъясненъ всеми нашими лучшими отечественными писателями.

Последнее десятилѣтіе представляетъ собою болѣе опасное, хотя и не столь подавляющее, искушеніе для русской мысли. Съ того же запада появляются у насъ книжки, враждующія противъ вѣчныхъ началъ уже не чрезъ начертаніе широкихъ космогоній, выбрасывающихъ въ область небытія внутренній міръ душевной жизни, но напротивъ прямо врывающіяся въ этотъ послѣдній, и въ его святая святыхъ, т. е. въ область нашего нравственнаго сознанія. Не чрезъ отрицаніе возвышеннѣйшихъ потребностей нашего духа, но чрезъ искаженіе ихъ вносятъ они незамѣтную для поверхностнаго вниманія отраву въ духовную жизнь довѣрчивыхъ почитателей всего, что надѣваетъ на себя маску рационалистической науки.

И замѣчательно, что современные евидеонистическія, фаталистическія и пессимистическія ученія, о которыхъ и идетъ рѣчь, зародившись раньше, чѣмъ самая исторія философіи, къ настоящему времени успѣли воспринять въ свои системы всѣ тѣ понятія, которыя имъ противоположали прежде, при чемъ конечно приняли только формы этихъ понятій, оставаясь по прежнему непримиримыми съ ихъ истиннымъ содержаніемъ. Дѣйствительно, евидеонизмъ уже давно пересталъ утверждать, будто вся дѣятельность человѣческая заключается въ непосредственномъ удовлетвореніи эгоистическихъ пожеланій; онъ допустилъ затѣмъ способность въ человекѣ свободно предпринимать рядъ дѣйствій непріятныхъ, но ведущихъ къ опредѣленнымъ эгоистическимъ цѣлямъ. Наконецъ, онъ въ формѣ *утилитаризма* призналъ между запросами эгоистической природы

¹⁾ См. „Дымъ“, Тургенева. ²⁾ „Цыганъ“, Пушкина. ³⁾ и ⁴⁾ Пушкинская рѣчь, Достоевскаго. ⁵⁾ „Отцы и дѣти“, Тургенева. ⁶⁾ „Обрывъ“, Гончарова.

и альтруистическіе инстинкты, узаконилъ воздержаніе и даже самопожертвованіе, но все-же конечнымъ мотивомъ и къ такого рода поступкамъ онъ признаетъ удовлетвореніе пассивнымъ потребностямъ душевной природы, т. е. эгоизмъ. Мудрено ли поэтому, если нѣкоторые поверхностные читатели не находятъ никакой разницы между утилитарнымъ ученіемъ Милля и Спенсера, и ученіемъ Евангелія разъясняемымъ учеными противниками первыхъ?

Подобный же процессъ постепеннаго видимаго сближенія съ прямо противоположной доктриной выдержалъ и детерминизмъ, составляющій предметъ нашей критической работы. Появившись въ формѣ грубаго фатализма, согласно которой боги намѣчаютъ въ жизни человѣческой нѣсколько событій, отъ которыхъ увернуться никакъ не можетъ человѣческая воля (вспомнимъ балладу о Вѣщемъ Олегѣ), фатализмъ, при постепенномъ историческомъ развитіи мысли, скоро долженъ былъ замѣтить свою непоследовательность (по которой человекъ то свободенъ, то нѣтъ), но, оставаясь вѣрнымъ себѣ, онъ не нѣкоторыя только, но и всѣ событія и дѣйствія человека приписалъ отдѣльнымъ актамъ Божественной воли; таково, напримѣръ, ученіе Корана. Однако дальнѣйшее ознакомленіе людей со своею душевною жизнью и въ частности со связью между желаніями заставило ихъ придти къ ученію болѣе естественному, къ выведенію нашихъ дѣйствій изъ получаемыхъ внѣшнихъ впечатлѣній. Но и этотъ факторъ нашей внутренней жизни, т. е. внѣшнее положеніе каждаго, оказался слишкомъ отдаленнымъ отъ нашего существа; поэтому, чтобы имѣть возможность объяснять органическое развитіе характеровъ; фаталисты, переименовавъ себя детерминистами, перенесли центръ жизни человека изъ внѣшняго міра въ его внутреннюю природу, и такимъ образомъ дали въ своей системѣ мѣсто для всѣхъ противоположавшихся имъ дотошъ фактовъ, свидѣтельствующихъ объ активной энергіи нашего духовнаго организма. Факторомъ индивидуальной жизни повѣйшій детерминизмъ признаетъ природу каждаго человека съ ея общими свойствами и частными особенностями, съ ея самоотстойчивою воспримчивостью къ внѣшнимъ вліяніямъ, съ ея наконецъ симпатическими, альтруистическими и др. духовными потребностями. Ка-

кіе факты свободы можете вы противопоставить подобному учению? Оно согласится всё ихъ признать, но объяснить всё ихъ, какъ плодъ естественнаго развитія врожденнаго и не отъ насъ даннаго характера. Повидимому, различіе въ пониманіи свободы поступковъ останется самое тонкое, почти діалектическое; не изъ представлений, а изъ основныхъ влеченій духа выводить детерминистъ хотѣнія; вопросъ останется о томъ: я-ли владѣю своими основными влеченіями, или ихъ взаимное отношеніе предопредѣлено моею индивидуальной природой? а между тѣмъ отъ того или иного рѣшенія дѣла зависитъ все направленіе практической жизни человека. Но этого мало; детерминизмъ и другія названные антропологическія ученія, столь гибельныя для интересовъ истины и блага, не ограничиваются попыткой овладѣть всѣми противоположаемыми имъ данными, свидѣтельствующими о нашей активности, о нашей нравственной волѣ: они пожелали подчинить себѣ и высшій авторитетъ Откровенія. Они выдвинули рядъ историческихъ; философскихъ и эзегетическихъ сочиненій, въ которыхъ стараются представить ученіе Н. Завѣта согласнымъ съ ихъ теоріями.

Является вопросъ: что-же понуждаетъ серьезныхъ ученыхъ къ такой, повидимому, недобросовѣстной поддѣлкѣ? неужели сознательное стремленіе обманывать людей? Нѣтъ, по ихъ трудамъ можно убѣдиться, что они обманываютъ прежде всего самихъ себя, что они вѣрятъ себѣ. Причина такихъ странныхъ заблужденій лежитъ глубже. а именно въ исторіи западной науки, въ разсудочномъ отношеніи мыслителей ко всѣмъ изслѣдуемымъ явленіямъ вообще и къ душевной жизни вѣчности. Вѣсто того, чтобы описывать послѣднія такъ, какъ они переживаются нами на самомъ дѣлѣ, западные мыслители перелагаютъ данныя нашихъ чувствъ и волевыхъ эмоцій на языкъ сухой логики, и поэтому естественно въ ихъ сочиненіяхъ всѣ функціи религіозной и вообще внутренней жизни теряютъ свой специфическій характеръ, превращаясь изъ фактовъ реально переживаемыхъ, въ сухое резонированіе по поводу добытыхъ психологическихъ понятій, или просто терминовъ.

Но для русскаго общества, тоже живущаго болѣе фантазіями разсудка, чѣмъ реальною жизненною работою, подобное охолоше-

не душевныхъ процессовъ остается незамѣтнымъ, и оно не хуже своихъ заморскихъ учителей готово удовлетворяться словами такъ, едѣ дѣло идетъ о жизни, готово. напр., уважать добродѣтель самопожертвованія, помимо признанія индивидуальности, готово преклоняться предъ христіанствомъ, допуская въ то же время, что его Основатель былъ просто мечтателемъ и т. н.

Чтобы бороться со столь тонкими обольщеніями мысли, столь опасными именно по своей внѣшней близости къ началамъ истины и морали, мы могли избрать только одинъ *методъ изслѣдованія* свободы, — мы постарались вникнуть въ душевные процессы, вникнуть отношеніе къ свободѣ, такъ, каковыми они представляются непосредственному сознанію, каковыми они реагируютъ другъ на друга и вообще на душевную жизнь. Здѣсь-то мы увидѣли, что детерминизмъ можетъ выплывать въ себя вовсе не факты душевной и частности нравственной жизни, а только слова, ихъ обозначающіе; здѣсь-то мы убѣдились, что вычеркнувъ изъ сознанія мысль о своемъ я, какъ конечной причинѣ мыслей и поступковъ, человѣкъ рѣшительно практически не способенъ, что онъ не способенъ также, не смотря ни на какіе доводы, усвоить нравственный характеръ поступку несвободному, не способенъ назвать добродѣтельными самаго самоотверженнаго и благочестиваго филантропа, еслибъ послѣдній былъ лишенъ свободной воли.

Не просто непосредственная самоудовлѣемость этихъ интуцій заставила насъ такъ думать: мы постарались показать, что именно эти интуіи, именно такъ понимаемыя, лежатъ въ основаніи самихъ законовъ познанія и слѣдовательно самодостовѣрны въ высшемъ смыслѣ этого слова. На послѣднюю мысль насъ навело знакомство съ положеніемъ относительно нашего вопроса на почвѣ логики. Дѣйствительно, во всѣхъ логическихъ доводахъ за и противъ свободы, пришлось замѣчать, что тѣмъ или другими вопросомъ собственно предрѣшенъ заранее. Если, напр., детерминистъ говорить, что свободный поступокъ *ничѣмъ* не мотивированный, есть абсурдъ, ибо изъ *ничего* ничего не возникаетъ: то онъ уже заранее исключилъ мысль о свободѣ, представляя всю дѣйствительность безконечнымъ рядомъ необходимыхъ слѣдствій изъ цѣпи причинъ. Обращаясь къ анализу самыхъ

логическѣхъ процессовъ, къ изученію эмпирической логики, мы также увидѣли, что эти процессы не съ неба сваливаются въ человѣческое сознаніе, но органически развиваются изъ психическихъ постулатовъ его природы, что такимъ образомъ послѣдняя есть *primum* первыхъ, а не наоборотъ, что не основныя влеченія нашей природы слѣдуетъ провѣрять логикой, но логику природою души, ибо самодостовѣрность первой не есть абсолютная, какъ учить гегельянство, но она основывается на психологической, практической необходимости, безъ которой законы логики были бы для насъ „вѣщанія одинакаго тона“. Итакъ извлечъ изъ вѣдръ души эти крошечныя въ ней эмбрионы нашихъ логическихъ законовъ, эти основныя влеченія воли, которыя, какъ послѣдняя посылка всякой логики, уже тѣмъ самымъ являются самодостовѣрными, вотъ что оказалось нужнымъ, чтобы убѣдиться въ возможности или невозможности обойтись безъ свободы воли для объясненія душевной жизни вообще и нравственной вѣщности. Въ этихъ интуиціяхъ человѣческаго духа, кроющихся въ волевыхъ позывахъ его природы, мы нашли болѣе, чѣмъ ожидали, мы нашли въ нихъ присущую человѣческой природѣ автоцѣпизацію цѣлой философской системы и здѣсь-то оказалось понятнымъ, почему многіе философы были такъ далеки отъ мысли считать свой разумъ свободнымъ творцемъ ихъ системы, но признавали его только воспроизводителемъ истинъ, постулируемыхъ самою природою человѣка, и такимъ образомъ загадку метафизики отыскивали въ описательной психологіи.

О какой же метафизикѣ свидѣтельствуетъ психологія? Имѣя исходнымъ пунктомъ своей субъективной жизни наше я, нашу личность, руководясь въ поступкахъ сознаніемъ своей активности, и наконецъ ставя въ тѣснѣйшую связь съ нашимъ творчески-свободнымъ я лишь его нравственныя самоопредѣленія, жизнь человѣческаго духа можетъ уложиться лишь въ формы такой системы, или—только такая система можетъ быть согласована съ естественнымъ характеромъ душевной жизни, которая признаетъ личность въ человѣкѣ и личность за міромъ явленій, свободу въ человѣкѣ и свободнаго Творца, самостоятельность нравственнаго начала въ

человѣкъ—и Творца всесовершеннаго; не лучшимъ-ли подтвержденіемъ послѣдняго положенія служить то, что враги подобнаго міровоззрѣнія называютъ теизмъ и идею свободы плодомъ антропоморфической системы?

Насколько намъ удалось въ сочиненіи представить эти начала дѣйствительными постулатами психической жизни, объ этомъ предоставляемъ судить почтеннымъ оппонентамъ, но позволимъ себѣ указать еще на одну частную задачу, которую мы поставили въ своей книгѣ.

Сдѣланный въ ней анализъ основоположеній человѣческаго сознанія показываетъ первенство практическаго нравственнаго элемента душевной жизни надъ теоретическимъ познавательнымъ. Проникнутыя подобнымъ выводомъ весьма важно было-бы питомцамъ нашей духовной школы, которая, умѣя внушить своимъ сынамъ такое высокое уваженіе и интересъ къ познанію, однако лишь немногихъ изъ нихъ имѣетъ возможность приурочить къ ученой дѣятельности, потому что, въ силу обстоятельствъ, громадное большинство должно посвящать себя дѣятельности практической.—Если бы выводы нашего сочиненія послужили въ утѣшеніе тѣмъ мыслящимъ умамъ, которые, по причинѣ избраннаго ими званія, не имѣютъ однако возможности продолжать свое книжно-научное развитіе, и должны жертвовать запросами талантивой мысли ради нравственной помощи меньшей братіи; если-бъ говорю наша книга укрѣпила ихъ въ бодрости на принятомъ пути, и при сохраненіи въ нихъ прежняго высокаго уваженія къ наукѣ и знанію, однако поддержало въ нихъ убѣжденіе, что безкорыстная пастырская любовь и практическое проведеніе въ жизнь началъ истины и добра, достойны еще высшаго благоговѣнія, чѣмъ теоретическая мудрость: то этого одного было бы намъ вполне достаточно, чтобы не считать свой трудъ безцѣльнымъ.

Если-же эти труженики евангельскаго слова прониклись бы еще однимъ выводомъ моего сочиненія, а именно тѣмъ, что развитіе нравственной воли не идетъ въ связи съ общимъ развитіемъ сознанія, что напротивъ первое и даетъ пищу для истинной философіи человѣческаго духа: то они не считали бы себя отдѣленными

отъ науки, но старалисьбы чрезъ сознательное проникновеніе въ тайники душъ обогащать и свой собственный умъ и дѣлиться съ читателями столь высокоцѣнными фактами изъ области нравственной природы человѣка, фактами, не писанными, не названными ей изъ отвлеченныхъ умозрѣній, какъ это бываетъ нерѣдко въ трудахъ ученыхъ теоретиковъ, но живую дѣйствительностью внутренней жизни. Еслибъ мое сочиненіе хоть въ комъ-нибудь поддержало подобную попытку; то оно тѣмъ самымъ вызвало бы цѣнный вкладъ въ философію.

Воздавая искреннюю и глубокую благодарность тѣмъ профессорамъ, которые оказали намъ непосредственную помощь въ нашихъ занятіяхъ, т. е. главнымъ образомъ М. Ив. Каринскому, за значительное усовершенствованіе въ систематизаціи отдѣльных частей сочиненія, затѣмъ бывшему преподавателю академіи Н. Гр. Дебольскому, преимущественно за рекомендованное имъ изученіе „Критики Чистаго Разума“, такъ сильно подвинувшей мою мысль, — и наконецъ увы покойному А. Ем. Свѣтилину, задавшему мнѣ эту тему, о незабвенномъ и тепломъ отношеніи котораго къ первымъ шагамъ нашихъ работъ, было сказано въ надгробномъ словѣ и будетъ всегда воспоминаемо при молитвѣ о упокоеніи его души: я считаю своимъ долгомъ заявить, что чувствую себя безконечно обязаннымъ предъ цѣлой академіей, нравственная атмосфера которой пробуждала во мнѣ энергію къ изслѣдованію истины съ двойною силой. Въ этомъ отношеніи, въ отношеніи поднятія идеаловъ науки и жизни я вмѣстѣ съ многими другими остаюсь неоплатнымъ должникомъ всей академіи вообще, какъ своихъ профессоровъ, такъ и студентовъ, но въ особенности ея бывшего о. ректора, протопресвитера Іоанна Леонтьевича Янышева, умѣвшаго такимъ могучимъ образомъ затрогивать священные струны души.

Какъ поступившій въ академію изъ свѣтской школы, и поэтому имѣвшій лучшую возможность замѣтить ея отличительныя свойства, которыя прочимъ ея сынамъ кажутся свойствами общими для всякой школы, я считаю позволеннымъ и должнымъ исповѣдать здѣсь предъ лицомъ общества о тѣхъ высокихъ преимуществахъ, которыми отличается наша alma mater предъ всеми свѣт-

скими учебными заведениями. То, что моимъ товарищамъ, выросшимъ въ школѣ духовной, казалось естественнымъ такъ, что „иначе и быть не можетъ“, т. е. и та, чисто семейственная постановка академической жизни, которая такъ участливо относится къ каждой единицѣ академическихъ средствъ, то сочувствіе, которое встрѣчалъ въ наставникахъ студентъ со всѣми своими нуждами, то единодушіе и горячее сочувствіе всей академіи началамъ истины и добра, началамъ просвѣщенія и нравственности, которое естественно усвоится въ концѣ концовъ и каждымъ ея отдѣльнымъ членомъ: все это заставляло меня въ продолженіи всѣхъ моихъ студенческихъ годовъ благославлять тотъ день, когда я впервые вошелъ въ этотъ священный домъ и горячо убѣждать товарищей, что съ потерей доступа въ университеты каждый изъ нихъ ничего не потерялъ, что только невѣденіе, одно невѣденіе служитъ причиною тому, что всѣ лучшія силы свѣтской молодежи еще не устремляются въ стѣны нашей дорогой академіи.

І. Антоній.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки